

С. Г. КАШЛЯК, аспирант БГУ

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ВОИНСКИЕ СООБЩЕСТВА ВИЗАНТИЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ (IX–XII вв.)

В период с IX по XII века Византия постоянно находилась в кольце врагов. На сто лет, в лучшем случае, приходилось 20–25 мирных. В IX в. державе ромеев противостояли арабы, болгары и венгры. В X в. — арабы, болгары, венгры и русские. В XI в. — норманны, турки-сельджуки, печенеги, половцы, сербы и болгары. В XII в. — итальянцы, венгры, болгары, турки, крестоносцы. В таком положении Византия была вынуждена проводить оборонительную политику, лишь изредка переходя в наступление. Только к 40-м гг. X в. военно-стратегический баланс между империей и арабами выравнивается, а с 60-х гг. однозначно склоняется в ее пользу. С этого времени начинает-

ся период внешнеполитических и военных успехов, получивших название «византийской реконкисты». Этот период продолжается до середины X в. На западе византийская граница передвигается с Балканского хребта на Дунай.

Военные успехи византийцев в IX–XI вв. во многом основываются на результатах военных реформ этого периода, резко поднявших стоимость стратиотского всаднического надела. В IX в. он повышается в два раза, с двух до четырех литр золота, а в XI еще втрое и достигает двенадцати литр золота. В результате, стратиотское ополчение превращается из ополчения свободных крестьян в ополчение мелких вотчинников рыцарского типа. К середине XI в. происходит замена стратиотских ополчений на профессиональные отряды — тагмы и на дружины крупных феодалов — этерии. Фемы объединяются в крупные наместничества, под началом дук и катепанов. На границе, в Капшадокии, Сирии и Месопотамии, создаются «армянские» или «акритские» фемы, незначительные по своим размерам и сводимые к округам пограничных крепостей. Создается профессиональная армия, меньшая по численности, чем стратиотское ополчение, но лучше подготовленная в плане качества воинской подготовки. Именно такая армия, еще не оторвавшаяся от широких народных масс, и проводила «византийскую реконкисту».

Профессионализация привела к созданию конного войска из тяжеловооруженных всадников, подразделений, существовавших *благодаря* войне и *во имя* войны. Этим воинам требовался идеал поведения в бою и на войне. Такой идеал могли предоставить лишь профессиональные воинские сообщества, существующие не *благодаря* войне или *во имя* ее, но в войне, не мыслящих свое существование по-иному. Именно такие группы создают свою особую культуру и представление о мире, свои этические нормы, не всегда и не во всем совпадающие с общепринятыми, и свои специфические приемы боя. Подобные сообщества существовали на византийском пограничье. Назывались они «акритъ», что значит «пограничники». Их особая культура проявилась в «акритских песнях» и в византийской эпической поэме «Дигенис Акрит». В X–XII вв. в народе и армии формируется настоящий культ акритов, защитников империи. В XIII в. институт акритов приходит в упадок из-за частых изменений границ, потери пограничных крепостей-клизур с запасами оружия и продовольствия, а императоры из династии Палеологов ликвидируют привилегии акритов, облагая их налогами.

Акриты не были однородной массой, среди них существовали различные категории. Так, эпос «Дигенис Акрит» говорит нам еще об одной группе пограничных воинов — *апелатах*. Буквально слово «апелаты» означает «угонщики скота», каковые, по византийским законам, должны жестоко преследоваться, как разбойники. Но в таком случае апелаты очень странные разбойники, так как власти их не преследуют даже формально, а сами они являются для простых акритов таким же идеалом, каким сами акриты являлись для других групп воинов Византии. Василий Дигенис Акрит, главный герой вышеупомянутого эпоса, с восторгом мечтает: «Когда же славных храбрецов (апелатов — С.К.) глаза мои увидят?». А когда его мечта сбывается, то утверждает: «Желаю сделаться и я одним из апелатов»¹. Но стать апелатом мог далеко не каждый акрит. Ему нужно было выдержать настоящий экзамен: во-первых, отдежурить на страже пятнадцать суток; во-вторых, проявить умение в охоте на львов лишь с боевой дубинкой; в-третьих, опять отбыть пятнадцатидневный срок на страже; в-четвертых, показать свое умение совершать внезапные нападения (так, Дигенису было предложено напасть на свадебный поезд вельмож и захватить невесту (в ряде версий и жениха тоже), это единственное упоминание в эпосе о противозаконной деятельности апелатов, которое представляет собой скорее тренировку, чем обычный грабеж); в-пятых, претендент должен был выдержать поединок с кем-нибудь из апелатов на боевых дубинках. Как видим, отбор в апелаты не уступает отбору в какое-нибудь специальное подразделение наших дней. Константин VII Багрянородный определяет апелатов как легковооруженных воинов, совершающих набеги на земли противника. На византийском пограничье существовали подобные отряды. Это были разведчики, составлявшие один из самых престижных подразделений в пограничных фемах и клисурах. В состав этих отрядов входили представители различных народов, населяющих империю, ведь отбор шел в первую очередь по «профессиональным качествам». Из-за этнической пестроты Византии в разных ее частях бытовали самые разные названия разведчиков: трапезиты, тасинарии, хосарии, хонсарии. Так, трапезиты имеют персидское происхождение, хосарии и тасинарии — армянское², а хонсарии происходят от старославянского «хонса», которое, в свою очередь, восходит к готскому «hansa», что означает «разбой, грабеж, вооруженная дружина»³. Возможно, именно отсюда и идет именование апелатов «раз-

бойниками». Отсюда же и необходимость совершать внезапные нападения из засады. Славянский элемент был наиболее силен на западе империи, но присутствовал и на востоке. Так, еще в X в. в феме Опсикий существовало славянское подразделение. Вообще, византийцы давно, еще в VI в., заметили умение славян вести «малую войну» или войну «по скифски»: «... им не привыкать, спрятавшись за небольшим камнем или первым попавшимся кустом, хватать врага»⁴. Служба в таких отрядах была престижной для воинов-пограничников, ведь им выплачивалось жалование, а стратегу рекомендовалось постоянно его выплачивать, не жалеть на награды и подарки, особенно при успешном выполнении задания. Стратиг должен был знать всех своих разведчиков в лицо, постоянно беседовать с ними, чтобы знать психологические особенности каждого. К тому же, командовал разведчиками офицер в чине турмарха, а самих разведчиков было 45–100 человек, максимум 300 в больших и сильных фемах. Для сравнения, в стратиотском войске IX-го в. турмарх командовал отрядом в 2200 воинов. Все это, наверное, и стимулировало акритов стремиться в разведчики-апелаты, отсюда и жесткий отбор в это «подразделение специального назначения» IX–XII вв.

На основе материалов эпоса «Дигенис Акрит» и армянского эпоса «Давид Сасунский» можно четко выделить и разделить воинскую этику воина и воинскую этику апелата-разведчика. Воин стремится вести себя более-менее благородно по отношению к противнику, во время поединков «по правилам» он следует некоему «кодексу чести»: щадит противников, понимая, что «удар губительный грозит в ответ на состраданье»; он не нападает на упавшего, ждет, когда тот поднимется; ему претит нападение из засады, тем более на численно-меньшего противника; для воина молва о нем важнее жизни, чтобы о нем не сказали: «Пришел, как тать и ушел, как тать»; обратиться в бегство – это позор для него, непоправимый ущерб чести воина⁵. В свою очередь, апелат более свободен в своем поведении в бою. Он поступает, исходя, в первую очередь, из необходимости, главное для него — выжить. Если это возможно, то он поступит с противником благородно, но, при надобности, апелат, не задумываясь, нарушит «правила»: нападет из засады, набросится конным на пешего, нападет на численно-меньшего противника. Отвлечь внимание врага, а затем, внезапно, нанести неожиданный удар, после чего скрыться невредимым — вот закон и норма для апелата.

Таким образом, византийские границы имели защитников, для которых постоянная война с врагами империи была образом жизни, и которые сами были образцом для подражания другим воинам империи.

¹ Дигенис Акрит. М., 1994. С. 47.

² Никифор Фока. О сшибках с неприятелем, сочинение государя Никифора // Лев Диакон. История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей. СПб., 1820. С. 353.

³ Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в. М., 1972. С. 153, 353.

⁴ Прокопий Кесарийский. История войн Юстиниана // Хрестоматия по истории южных и западных славян. Т. I. Мн., 1987. С. 8.

⁵ Бой Давида с Мсра-Меликом // Сказания столетий. М., 1981. С. 162. Дигенис Акрит. С. 13, 61, 91, 97.